

УДК 347.98

## К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ДИСТАНЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ С ФЕНОМЕНОМ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

В.М. Бобровников

студент направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция,

ЧОУ ВО ЮУ (ИУБиП), email: [akadem\\_prava@iubip.ru](mailto:akadem_prava@iubip.ru)

Научный руководитель: Фоменко А.И., к.ю.н., доцент.

**Аннотация:** Статья посвящена описанию феномена дистанционного правосудия, внедрение которого осуществляется в экстремальных для государства условиях распространения коронавирусной инфекции. Отмечаются предпосылки и особенности развития дистанционного правосудия в российских условиях с конца XX века по настоящее время. Особое внимание уделяется вопросу взаимосвязи дистанционного правосудия с явлением правового нигилизма.

**Ключевые слова:** дистанционное правосудие, правовой нигилизм, коронавирус, судебное заседание, видеоконференцсвязь.

## BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES AND THE LEGAL REGIME

V. M. Bobrovnikov

**Abstract:** The article is devoted to the description of the phenomenon of remote justice, the introduction of which is carried out in extreme conditions for the state of the spread of coronavirus infection. The prerequisites and features of the development of remote justice in Russian conditions from the end of the XX century to the present are noted. Special attention is paid to the issue of the relationship between remote justice and the phenomenon of legal nihilism.

**Keywords:** remote justice, legal nihilism, coronavirus, court session, video conferencing.

В 2020 год мир вошел с новым крайне заразным заболеванием Covid-19, распространение которого за короткое время значительно повлияло на привычный образ жизни многих людей. В нашей стране в целях предотвращения распространения коронавирусной инфекции повсеместно в практику входит применение так называемого дистанционного режима работы. Это предполагает, что человек работает или учится в домашних условиях с помощью сети Интернет и, соответственно, не контактирует с большим количеством людей. На дистанционный режим перешли школы, университеты, многие фирмы.

Видеоконференции заменили привычный формат встреч друзей и родственников, школьных уроков и университетских лекций, планерок с

руководителем и даже совещаний Президента с главами регионов. Все ветви власти вынуждены приспосабливаться к новым условиям, в том числе и судебная система [3].

Проведение судебного заседания предполагает скопление людей: присутствие судьи, секретаря, сторон обвинения, защиты, потерпевших, подсудимого или подсудимых, свидетелей, а также слушателей (если заседание открытое). В сложившейся эпидемиологической обстановке это критично.

Это актуализирует вопросы не только о возможности проведения судебных заседаний в дистанционном режиме, но и о восприятии обществом такого способа осуществления юридических процедур. Общеизвестно, что судебные заседания должны быть открыты и независимы. Возможно ли этого достичь в условиях дистанционного судебного заседания и не будет ли такой формат вызывать у людей нигилистические мысли? Для этого необходимо описать дистанционное правосудие и выявить его взаимосвязь с феноменом правового нигилизма в российском обществе.

В первую очередь рассмотрим, какие предпосылки для реализации дистанционного правосудия существуют в законотворческой и правоприменительной деятельности. Как уже говорилось, в связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой меры по защите населения коснулись и судов, работники которых отправились на удаленную работу. И поэтому суды на своих официальных сайтах стали сообщать об открытии видеоприемных с использованием платформы «Skype». В принципе, «информатизация» судебной системы, как и любой другой государственной сферы, - явление не новое для России.

Сейчас на территории нашей страны действует большое количество электронных систем, которые автоматизируют и повышают эффективность работы судов (например, ГАС «Правосудие»). Однако эти системы не предназначены для дистанционных судебных заседаний, повсеместное

проведение которых на постоянной основе в нашей стране ранее не осуществлялось.

В России видеоконференц-связь использовалась для проведения апелляционных, кассационных и надзорных судебных процессов. Так, 18 ноября 1999 года в Челябинском областном суде впервые в мировой практике состоялся суд с использованием данной технологии. Эта практика будет закреплена в законодательстве позднее. УПК РФ был дополнен положением о том, что свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференцсвязи [1].

При этом для заседаний Конституционного суда такая возможность не предусмотрена. Таким образом, для российской правовой системы видеоконференцсвязь как особый режим проведения судебного разбирательства явление хоть и не новое, но до последнего времени все-таки редкое и на практике использовался, например, для заслушивания свидетелей, которые по веским причинам не могли присутствовать на заседании, т. е. был только частью очного судебного заседания.

Логично, что для проведения такого рода слушания необходимо оборудование, записывающее и воспроизводящее звук, проще говоря, камера, микрофон и колонки. Как мы видим, речь идет об организационно-технической составляющей процесса. Но этого недостаточно для целостного осмысления этого явления.

Совсем недавно, 18 марта 2020 года, было опубликовано Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» (действовал до 10.04.2020 г.), где говорилось о приостановлении приема граждан и рекомендации «...всем судам при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференцсвязи»[2].

При этом существует вполне успешный зарубежный опыт. Например, в Соединенных штатах Америки видеоконференцсвязь внедрили в Калифорнии, Техасе и Нью-Йорке (вопросы такого рода находятся в ведении руководства штата). Ярким примером распространения дистанционных форм может служить штат Техас, где за один день провели 92 судебных заседания через платформу «Zoom»[7, С. 213 – 216].

Но необходимо учитывать и сложности в реализации дистанционного правосудия. Судебный процесс в очном формате, к которому мы все привыкли, во многом основывается на непосредственном взаимодействии людей, поскольку вербальное общение в судебном заседании играет очень важную роль. Например, зачитывая обвинительную речь, прокурор может говорить неубедительно, мимикой и жестами выдавая неуверенность в собственных словах и заключениях, которые могут стоить человеку свободы. Все эти моменты должен «прочитать» судья, который позже может направить дело на повторное рассмотрение. Формат видеоконференц-связи нивелирует этот фактор. Да, люди видят лица друг друга, но исчезает атмосфера реального судебного заседания, снижается объективность оценки происходящего. Именно эти различия между «онлайн» и «офлайн» формами заседания могут подстегивать недоверие к решениям в рамках дистанционного правосудия. Это может представлять определенную проблему, учитывая наличие правового нигилизма в нашей стране.

Существование правового нигилизма - одна из самых актуальных проблем современного российского общества. Эта тема является интересной и важной для изучения, потому что проявления правового нигилизма широко распространены в реальной жизни. Как часть мировоззрения он крепко закрепился в сознании людей, найдя свое отражение не только в политике и законотворчестве, но и культуре. Согласно классическому определению, правовой нигилизм (от лат. nihil - ничего) является одной из форм правосознания и социального поведения (личности, группы),

характеризующейся отрицательным (скептическим) отношением к закону и ценностям права [4, 414 с].

Его формирование, как и любого общественного явления, происходит при определенных условиях. Так, на распространение правового нигилизма в нашей стране повлияли эпохальные потрясения: развал Советского Союза, «лихие» 90-е, которые сопровождались обнищанием и безработицей населения, трансформациями рынка труда, неоднозначной приватизацией, социальной напряженностью, экономическими кризисами, эксцессами сепаратизма и т. д. Это вызывало скептическое отношение к власти, в том числе, отрицательно повлияло на отношение к праву и закону в целом и может проецироваться соответствующим образом на отношение к дистанционному правосудию. И в более спокойное время в России остаются люди, не доверяющие власти и соответственно всему, что она делает даже для защиты населения.

Но общественная обстановка или, точнее, конкретные исторические условия, являются лишь одной из причин формирования правового нигилизма. Не уступают по своей значимости идеология, мировоззрение и менталитет народа. Эти факторы связаны с более далеким прошлым страны [5, 289 с].

Иначе говоря, недоверие к дистанционному правосудию вполне вписывается в менталитет русского народа в качестве феномена неприятия вообще чего-то нового.

Внедрение дистанционного правосудия, как показывает практика, продолжается. Если сейчас это скорее вынужденная мера, то в будущем может стать неотъемлемой частью нашей жизни. В нашей стране, как и в передовых странах мира, продолжается процесс информатизации различных сфер жизни человека, что вписывается в концепцию информационного общества. Можно увидеть существенные плюсы в проведении судебных онлайн-заседаний: не нужно тратить деньги и время на проезд до здания суда (особенно тем, кто живет вдалеке), можно обеспечить безопасность

свидетелей и т. д. Но при этом формат дистанционного правосудия влечет за собой потерю ряда функций и уникальных возможностей, характерных для очного судебного заседания. Есть и другие недостатки: увеличение времени работы за компьютером, что приводит к цифровой усталости, растущему стрессу, а в перспективе постоянной практики - соответствующим заболеваниям.

Важным фактором, который необходимо учитывать при внедрении дистанционного правосудия, является наличие правового нигилизма и связанного с ним недоверия к судебной власти. Учитывая, что процесс цифровизации трудно, да и не нужно останавливать, необходимо подходить к этому вопросу системно, в том числе принимать меры для снижения тревожности и недоверия населения. Что касается феномена правового нигилизма, то он так прочно вошел в нашу жизнь, что требует отдельного и длительного «лечения» [6, С. 217 – 222].

#### Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года №174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения 02.02.2021).
2. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 «Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории РФ коронавирусной инфекции (2019-nCoV)» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73659931/> (дата обращения: 02.02.2021).
3. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В. М. Лебедева. – М.: НОРМА, 2017.
4. Социология: учебник для прикладного бакалавриата / О. Г. Бердюгина [и др.]; отв. ред. В. А. Глазырин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. – 2019. – 414 с.
5. Философия права и закона: учебник для вузов / А. В. Грибакин [и др.]; под ред. А. В. Грибакина. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 289 с.
6. Фоменко А.И. К вопросу об уголовно-правовой охране сферы высоких технологий как необходимого условия стабильного регионального развития // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2015. – №5. – С. 217-222.
7. Фоменко А.И., Куцев С.С. Криминологические проблемы обеспечения безопасности сферы высоких технологий: вопросы создания и развития региональных центров // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2015. – №5. – С. 213 – 216.